

Сорж Шаландон
Бешеный

роман

Перевод с французского
Александры Васильковой

phantom press

Москва

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)
Ш18

SORJ CHALANDON, L'ENRAGÉ

Copyright © Éditions Grasset & Fasquelle, 2023

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Опубликовано при содействии Les Éditions Grasset & Fasquelle

Перевод с французского Александры Васильковой

Редактор Игорь Алюков

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Сорж Шаландон

Ш18 **Бешеный: Роман / Пер. с фр. А. Васильковой. — М.: Фантом Пресс, 2025. — 384 с.**

27 августа 1934 года 56 подростков сбежали из колонии для несовершеннолетних на французском острове Бель-Иль. С острова они выбраться никак не могли. На сбежавших мальчиков — некоторые не старше десяти лет — объявили охоту. Надзиратели, жандармы, местные жители и даже редкие туристы с азартом рыскали по острову в поисках изможденных, обессиленных беглецов. За каждого мальчишку, и неважно, десять ему лет или восемнадцать, объявили награду в 20 франков. Будут пойманы все беглецы, кроме одного...

История эта полностью правдивая. Колония на острове Бель-Иль существовала с конца XIX века, и с ее обитателями там обращались очень жестоко. Многие из них никаких преступлений не совершили, а всего-навсего были сиротами или подкидышами, которых надо было куда-то пристроить. Попадали туда и совсем маленькие мальчики. И побег воспитанников, как их называли, а на самом деле заключенных, автор не выдумал. А вот главного героя, Жюля Бонно, не существовало. По некоторым документам, беглецов было 55 и все они были пойманы, по другим — 56 и одного преследователи так и не нашли. Сорж Шаландон, по его собственным словам, влез в шкуру этого пятьдесят шестого и написал историю подростка, похожего на него самого, — одинокого, брошенного родными, наказанного без вины, мечтающего о мести и мысленно расправляющегося с обидчиками, чтобы не пришлось делать этого в реальности. Удивительно динамичный, эмоциональный роман. Читая его, не можешь не переживать за судьбу юного беглеца.

ISBN 978-5-907943-01-8

© Александра Василькова, перевод, 2025

© Андрей Бондаренко, макет, дизайн обложки, 2025

© «Фантом Пресс», издание, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

1	ЗЛЫДЕНЬ	9
2	АДСКОЕ ПЛАМЯ	27
3	ЯЙЦО И БЫК	66
4	ЗА ДЕНЬ ДО ТОГО	86
5	БОЛЬШОЙ ПОБЕГ	101
6	“СВЯТАЯ СОФИЯ”	147
7	ПОСЛЕДНИЙ МЯТЕЖНИК	189
8	БОГИНЯ В ЮБЧОНКЕ	208
9	У “БЕРЕГОВЫХ БРАТЬЕВ”	226
10	СЕМЬЯ	232
11	ПЕРЛЫ ИСТИНЫ.	245
12	ОХОТА НА РЕБЕНКА	282
13	“ОГНЕННЫЕ КРЕСТЫ”	294
14	КРОВАВО-ЖЕЛТЫЙ “СИТРОЕН”	324
15	МУТНЫЙ АГЕНТ	335
16	ГЕРНИКА	339
17	КАМИЛЬ ЛУАЗО	348
18	ВОЗМЕЗДИЕ.	359
19	НЕПОПРАВИМОЕ.	365
20	ПЕРЕХОД.	369
21	СОЛДАТИК АЛЕКСАНДРА	375
22	ПИСЬМО НЕМЦУ, КОТОРЫЙ МЕНЯ РАССТРЕЛЯЕТ.	379
	ЭПИЛОГ	381
	БЛАГОДАРНОСТИ	383

Всем тем,
Кто смертельно скучал в школе
или
Кого дома доводили до слез,
Кого в детстве тиранили учителя
или
Лупили родители,
Я посвящаю эту книгу.
ЖЮЛЬ ВАЛЛЕС, "Дитя"

Т ЗЛЫДЕНЬ

11 октября 1932 года

Все жадно и беззвучно жрут, согнувшись над своими собачьими мисками, лакают похлебку, подбирают хлебом остатки. Шуметь за едой запрещено. В столовой должна стоять тишина.

— Тишина, понятно? — рявкает Шотан, запугивая новеньких.

Разговаривать можно только во дворе, в других местах за каждое словечко наказывают.

Наш тюремный комендант и переглядываться не дает.

— Все по глазам вижу, бандюги.

Этот бывший унтер-офицер в тесном синем мундире рассказывает между столами.

— Все подянки вижу, какие вы замышляете.

Его фуражка охранника среди наших бритых макушек. Все — Музан, Трусселло, Каррье, Пчела, Малыш Малло и даже Судар, который у нас верховодит, — вжимают головы в плечи. Наша шайка негодяев выглядит побежденным войском.

— Все вы дефективные!

Шотан подходит ко мне, хлопает по столу форменной фуражкой.

— Злыдень, смотри в тарелку!

Я смотрю ему в глаза.

Знаю, сейчас он мне влепит.

Он прочищает горло — признак подступающего гнева.

— Злыдень!

Никто и никогда не имеет права называть меня так. Это мое боевое прозвище, и я немало зубов повибивал, завоевывая его. Только я произношу его вслух. Я его отстаиваю, а оно держит в страхе других. Ни один заключенный, ни один надзиратель, даже сам начальник Кольмён, не должен его употреблять. “Злыдень” — это я сам и моя ярость. Мое поле брани.

Шотан приближается. Я сижу на краю скамьи, пятый в своем ряду. Вижу перед собой только согнутые спины. Даже в тюрьме люди в столовке разговаривают, сидя друг к другу лицом, как в ресторане. Но здесь, в исправительной колонии для несовершеннолетних правонарушителей От-Булонь, нас разместили рядами друг другу в затылок, и оборачиваться запрещено.

— Смотри в свою тарелку!

Жестяная миска. У нас в Майенне свиньи жрали из жестяной кормушки.

Гляжу на него в упор. Злобно ухмыляюсь:

— Ты хотел сказать — в свое корыто.

Надзиратель молча хватает стоящий передо мной помятый кувшин. Металлическая оплеуха. Кувшин ударяется в скулу. Вода выплескивается, я весь мокрый. И теперь этот дуболом Шотан нависает надо мной, не зная, что делать дальше.

Когда он велел мне опустить глаза, я схватил свою вилку — один зубец обломан, три заточены. Кому-то не поздоровится. Надзиратель заметил, что я сделал.

— Смотри в тарелку!

Я бросаюсь на него. Он, гад, высокий, ростом с меня, и весит столько же, только мне восемнадцать лет, а ему пятьдесят с лишком. Питомец нападает на хозяина, сбивает с ног. Он, зашатавшись и взмахнув руками, валится на спину, голова ударяется об пол. И вот я уже сижу на нем верхом, вцепившись в воротник его мундира, и ору, глядя ему в глаза. Надавливаю ему на горло. Высовываю язык, кручу им. Лакающий пес.

— Что, начальник, дефективный я?

Стукаемся лбами, его страх против моей радости.

— Отвечай, начальник, дефективный — это вот такой?

С другого конца столовой с ревом бегут охранники, подковки скребут по цементному полу. Не выпускаю добычи, подбираю фуражку Шотана, нахлобучиваю до самых глаз.

Он — каторжник, я — охранник.

— Злыдень, не валяй дурака! Отпусти меня!

Голос у него сдавленный. Глаза безумные. Лицо посинело.

Охранники втроем кидаются на меня, а я кусаю свою жертву. Вгрызаюсь в глотку. Волчье пиршество. Но гнилыми зубами человеческой шкуры не прокусить. Она прочная, упругая, не рвется. Не могу добраться до мяса. Вкус крови — и больше ничего. Меня лупят дубинками, и под градом ударов челюсти разжимаются.

Они всей толпой против меня. Вздергивают на ноги, защелкивают наручники. Один из надзирателей, огрев меня плеткой по затылку, плюет мне в лицо:

— Вот сволочь!

Меня трясет. Всех трясет. Два свистка.

Гудящую как улей столовую призывают к порядку.

Все кончено. Меня запрут в штрафном изоляторе, посадят на хлеб и воду. Или отдадут под трибунал, а потом отправят в Эйс.

— Если это повторится — отправишься в Эйс!

Исправительное заведение для бешеных. Самая страшная угроза.

Судар-каид* провел там три года. Он не распространялся насчет того, как там все было, но хвастался своим сроком. Это был знак отличия крутого парня. Оказавшийся пустышкой. Судар был слишком нежным для жесткого заведения в Вильнёве-сюр-Ло, и тюремное начальство за хорошее поведение перевело его на Бель-Иль.

Тюремный комендант с трудом садится, обхватив руками колени. Очухивается. Никогда еще его не укладывали на лопатки. Он, родственник премьер-министра Камиля Шотана (по его словам), сейчас похож на мальчишку, сверзившегося с велосипеда. Смотрит растерянно. Шея кровоточит. Его фуражка все еще у меня на голове.

Один из охранников ее с меня срывает.

* От араб. "каид" — "вождь, предводитель". — *Здесь и далее примеч. перев.*

Верзила Амбруáz Шотан остановился рядом со мной, скрестив руки на груди. Прочистил горло. Нахмурившись, поглядел на меня свысока.

— Смотри в тарелку!

Тюремный комендант знал про мои припадки. Про мои бредни — так он их называл. Я рассказал про них врачу, а он, конечно, передал Шотану. Я бредил убийствами, чтобы не пришлось убивать. Я вдохновенно представлял себе, как перехожу к делу, луплю, горстями выдираю волосы. Крики, изумленные взгляды, страх. Ухо, расплющенное ударом кулака. Во рту привкус крови — соленый, металлический, тошнотворный. И даже чужих слез. После таких яростных вспышек меня знобило, трясло, мне самому было страшно. Только что, не вставая со скамьи, не поднимаясь с постели, глядя в свою миску, я ранил заключенного, убил охранника, разнес столовую, сбежал.

На этот раз я загрыз Шотана.

Я тяжело дышал, рука, сжатая в кулак на столе, дрожала. Другую руку я засунул глубоко в карман и перебирал, будто четки, мамину ленточку.

Лишь через несколько минут я пришел в себя. Понял, что ничего не произошло. Успокоился. Сказал себе, что это было не взаправду. Стояла тишина. Надзиратель видел, как я на него смотрел. Безумными глазами. Разинув рот. Я только что перегрыз ему

горло, и он это знал. Он чувствовал, что, стоит ему отвернуться, я всаживаю вилку ему в затылок. Дырявлю его свайкой, стыренной в канатной мастерской. Смеюсь, разбиваю ему лоб о край стола. Он угадывал мои мысли. Глядя на меня, он видел свою смерть.

Он наклонился ко мне:

— Опустит глаза, Бонно!

Я опустил глаза.

Труссело, Каррье, Судар, Пчела и все остальные — тоже.

— Тихо, Мало!

Я сидел с краю. На своем обычном месте. Шотан двигался дальше между рядами колонистов. Так нас называли в городе. А он обзывал “дефективными”. Насупленные, мы представляли собой угрозу. Улыбающиеся — опасность еще большую. Он думал, что мы усыпляем его бдительность, а сами замышляем какое-то темное дело. И был прав. Мы никогда не успокаивались. Даже уставившись в свою миску, я что-то затевал. Я давал ему отпор, я пускал ему кровь. Я задираю и других тюремщиков. Я наказывал придурков, тупо, как бараны, выполнявших приказы. Я лупил всех Сударов, всех крутых, драчунов, крикунов, тех, кто лапал малышей в душевой, кто нарывался, кто мне грубил.

Я взял свою грязную ложку и стал выскребать остатки еды. От меня остались только затылок и спина. Негодяя укротили, он покорно ткнулся лбом в бортик миски.

■ ■ ■

За два дня до того сбежали семеро наших, и я хотел урвать свою долю ярости — хотя бы так, не выходя из столовой. наших товарищей вывели погулять, они, воспользовавшись этим, удрали, и теперь за ними гнались по пятам охранники, крестьяне и рыбаки.

Начальник цеха говорил об этом с воспитателем, а Труссело тогда дежурил и подслушал разговор, наострив уши и вода по полу шваброй как можно медленнее.

Два дня проскитавшись в ландах, воспитанники взломали дверь бывшего замка Николая Фукé, когда-то купившего Бель-Иль за бесценнок. Одно время у колонии в этом здании был карцер.

Теперь маленький форт принадлежал парижскому зубному врачу, который в нем не жил. Семеро беглецов под предводительством колониста Делива́ захватили пустующее здание. Они украли пистолет, две рапиры и саблю. Кроме того, они разграбили винный погреб и хлестали из горла дорогие вина. Соседи сообщили жандармам, те примчались, стали палить в воздух, выкурили колонистов из замка, и они, прихватив хлеб и брус масла, сбежали в леса. Нашли их шесть дней спустя — они прятались в пещере на берегу. Вышли с саблями наголо и сказали, что скорее умрут, чем вернуться в колонию. Военные пообещали препроводить их, как заведено было в цитадели, в тюрьму в Лорьяне. И тогда главарь, Делива, и все остальные сдались под градом камней, комьев земли и плевков.

— Зачинщиков будут судить, а их сообщников отправят в Эйс, — прибавил начальник. И повернулся к Труссело, задумчиво шлепавшему тряпкой по плиткам пола: — А ты что здесь делаешь? Пошевеливайся, бездельник!

Вот так мы узнали о побеге.

В тот вечер тюремные сторожа лютовали. Выстроили нас вдоль стен, а было холодно, лил дождь.

— Поднимайтесь один за другим, расходитесь по камерам! — проорал Шотан.

Первыми, хватаясь за перила крутой наружной лестницы, стали подниматься младшие. Пятнадцать мокрых, скользких деревянных ступенек.

— Следующий! — выкликал Шотан, как только один из заключенных добирался до верха.

Дети поднимались медленно, стуча деревянными подошвами.

— Нам тут из-за вашей дурусти до завтра торчать? — проворчал кто-то в очереди.

Шотан кинулся к нам, выхватил плетку:

— Кто это сказал?

Я узнал бас Марка Озенé. Все опустили головы. Надзиратель скрипнул зубами.

— Наказать первого попавшегося или оставить вас всех на улице?

Молчание.

— Луазó, это был ты?